

Голос аналитика как один из инструментов разрешения сопротивления

Антонова Марина Юрьевна

- психолог,
- психоаналитик,
- член ЕАРПП (РО-СПб)

Я хотела бы рассказать о клиническом случае работы с анализантом, где на разрешения сопротивлений Сверх-Я и Оно значительно повлиял голос аналитика.

В процессе нашей с ним работы сессии проводились по аудиосвязи. На первую онлайн-сессию он позвонил без видео. Формат работы его устроил, поэтому далее была только онлайн-связь с выключенным видео. Через год терапии выяснилось, что ему проще общаться с людьми, когда он их видит, поэтому у меня возник вопрос, почему же мы с ним не встретились в кабинете и почему для связи он не использует камеру? Наша следующая встреча была назначена в кабинете.

На этой встрече «лицом к лицу» наш разговор отличался от предыдущих. Я чувствовала, что качество нашего контакта снизилось, ощущалась даже некоторая потеря связи. Тогда я предложила ему лечь на кушетку. Он сразу же принял мое предложение и через несколько минут

Если анализанты не видят аналитика, то терапевтический регресс усиливается, Я начинает стремиться к ранним фиксациям, а фокусировка на голосе в этом помогает.

Крик ребенка очень важен, так как ухо становится эрогенной зоной для того, чтобы слышать голос матери. Ответ на крик заставляет его прекратить, чтобы можно было услышать речь Другого.

вернулось прежнее терапевтическое взаимодействие. Я спросила его, как ему больше нравится разговаривать: сидя или лежа? Он сказал, что ему без разницы, но, если считается, что лежать эффективнее, то готов лечь. Я же, в свою очередь, чувствовала эту разницу. Когда в процессе разговора мы смотрели друг на друга, то из нашего взаимодействия будто что-то уходило. И это «что-то» вернулось через несколько минут после того, как он лег на кушетку и снова только слышал голос аналитика, не видя его самого.

После окончания сессии меня очень сильно заинтересовал вопрос: что есть голос аналитика для пациента и какова роль кушетки в этой связи?

Первое упоминание о голосе в психоанализе приводит З. Фрейд в своей книге «К трактовке афазии» (1891 г.). Он пишет, что любое слово – это комплексное представление, включающее визуальные, акустические и кинестетические элементы. Он проводит различие между словесным представлением и объектным. В первом – замкнутая сеть представлений, во втором – открытая. Словесное содержит читаемый образ, письменный, двигательный и образ звучания. Объектное – визуальные, тактильные и акустические элементы. И между собой они связаны не всеми компонентами, а только образом звучания. Объект замещается образом, слово же замещает голос (у Фрейда образ звучания). «Ведь слово, собственно говоря, — это остаток воспоминания об услышанном слове» - позднее напишет Фрейд.

Далее Фрейд упоминает голос в некоторых других работах. Важно то, что упоминаемый им голос не имеет акустического компонента. В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» 1905 года написано о внутреннем голосе, который восстает против требований морали. В работе «Тотем и Табу» 1912 года речь заходит о внутреннем голосе совести, уберегающем от нарушения табу. Он также пишет, что «факт существования совести остается необъясним». В 1915 году в работе «Введение в понятие нарцизм» он расшифровывает этот внутренний голос. «Голос совести» постоянно наблюдает за фактическим Я и сверяет его с Я-идеалом. Таким образом, все наши намерения подвергаются внутренней критике. Институт совести – это первоначально родительская критика, затем влияние учителей, наставников и общества.

Гарольд Штерн в книге «Кушетка» (1974) делает интересные замечания касательно кушетки и голоса аналитика. Кушетка рассматривается им как основной фактор регресса. Он подчеркивает, что Фрейд открыто возражал тому, чтобы анализанты смотрели на него. Поскольку, если анализанты не видят аналитика, то терапевтический регресс усиливается, Я начинает стремиться к ранним фиксациям, а фокусировка на голосе в этом помогает. Фокус смещается – со зрения переходит на слух, это стимулирует инфантильные фантазии, как будто анализант находится не на кушетке, а на постели матери, слова аналитика становятся эквивалентами звуков вокруг этого маленького ребенка. В конце своей книги Г. Штерн пишет, что «кушетка – единственный инструмент

аналитика, помимо его психики и голоса». Таким образом, он выделил голос как особый инструмент.

Наиболее полно тема голоса рассмотрена у Жака Лакана, когда он говорит, что наряду с оральной, анальной и фаллическими фазами развития, есть еще скопическая (взгляд) и голосовая. Голосовой объект введен Лаканом в 1963 году в 10 семинаре «Тревога» - голоса родителей с помощью механизма инкорпорации преобразуются в Сверх-Я.

Маленький человек, находясь в утробе матери, уже может различать материнский и отцовский голоса. Отцовский голос лучше слышен через водную среду. До момента рождения для него уже существует акустическая купель, хотя физически, отделенно от матери, его еще нет. А когда ребенок рождается, то вокруг него много разных шумов. И также сам он издает свой первый звук, сообщая о своем рождении и устанавливая связь со значимым Другим. На его крик приходит ответ в виде голоса от Другого. Таким образом начинает формироваться психика ребенка.

Гарольд Штерн упоминает метод родов французского акушера Лебуайера, когда ребенок появляется в полутьме и с ним тихонько разговаривают, стараясь уменьшить количество посторонних шумов. Матери утверждали, что такие дети более спокойные и меньше боятся. Жак Лакан утверждает, что крик ребенка очень важен, так как ухо становится эрогенной зоной для того, чтобы слышать голос матери. Ответ на крик заставляет его прекратить, чтобы можно было услышать речь Другого.

Франсуаза Дольто делает акцент на том, что ухо анатомически устроено так, что ребенку его не закрыть, он призван слушать речь Другого и звучания вокруг. Несмотря на то, что речь для ребенка непонятна, она дает ему место бытия и закладывает основы его мышления. Лакан утверждает, что голос Другого проводит нарциссическую сборку ребенка. Слышать Другого – элементарная форма нарциссизма, необходимая для создания минимального себя. Когда этого не происходит, ребенок может стать аутистом. Также голос должен обязательно звучать из тела живого человека, а не из гаджетов.

И психоаналитический, и лингвистический интерес вызывал детский лепет как до-символическая форма языка. Ребенок подражает речи взрослых неосознанно, имитируя то, что слышит. В период детского лепета ребенок производит разнообразные звуки, но часть уже произносимых ребенком звуков будет утрачена, как только он начнет произносить слова. Некоторые из звуков исчезнут, вероятно оттого, что не употребляются окружающими, другие звуки ждет иная судьба – они будут заново осваиваться путем долгих усилий. Окончание периода детского лепета связано с разграничением гласных и согласных звуков.

В теме объекта «голос» Лакан рассматривает йязык (лялянг). Йязык - это нечто, что ребенок изобретает как особую форму языка, оно предшествует языку. Смысла еще нет, но есть телесное удовольствие от произносимых букв, фонем, слогов, фраз. На нем нельзя общаться с Другими со смыслом. В последующем свою знаменитую фразу, что «бессознательное структурировано как язык» он меняет на «бессознательное

Голос Другого проводит нарциссическую сборку ребенка.

структурировано языком». Ребенку необходимо забыть лялянг и утратить звуки нематеринского языка, то есть те фонемы, что не использовала мать или значимый другой для общения с ним. Таким образом, речевой аппарат упрощается. Во взрослой жизни следы йазыка проявляются в том, что мы называем аффектами. Например, трепетание голоса на какой-то фразе, заикание, кашель.

Тема акустического голоса также важна в пубертатный период. В это время у мальчиков вторичные половые признаки сопровождаются ломкой голоса. Теряется прежняя идентификация с детским голосом и возникает новая с мужским голосом.

Объект «голос» у взрослого человека преобразуется в Сверх-Я, которое не имеет акустического компонента. Голос Сверх-Я, с одной стороны, призывает к наслаждению, а с другой терзает, напоминая о запретах. Психотики не забывают йазык, они продолжают в нем находиться и получать наслаждение. По каким-то причинам у них в голове звучит голос Сверх-Я и иное многоголосье. Акустического компонента в этих голосах уже нет, их невозможно записать.

Таким образом, ребенок проходит путь утрат: от крика, который нужно прекратить, чтобы услышать зов значимого Другого; далее – лепет, который дети издают, подражая голосам и фонемам взрослых; потом – потеря йазыка для возникновения языка; затем – становление Сверх-Я.

Голос Сверх-Я, с одной стороны, призывает к наслаждению, а с другой терзает, напоминая о запретах.

В анализе невротически организованных анализантов мы встречаемся с голосами родителей или значимых Других в виде Сверх-Я. Поэтому, работая с сопротивлением Сверх-Я, мы помогаем анализантам вербализовать то, что вызывает чувство вины и потребность в самонаказании из-за нарушения правил значимых фигур.

Теперь я бы хотела вернуться к случаю со своим анализатом. Основное сопротивление, которое он мне демонстрировал, это – сопротивление Сверх-Я, то есть как раз критические голоса значимых Других – родителей. У него присутствует огромное количество таких установок, он демонстрирует их частое повторение.

На первом сеансе самой первой темой для терапии он обозначил отношения с родителями. С папой так строятся отношения, что он всю свою жизнь полностью ему противоречит. Папа очень часто его критикует. Анализант логически все понимает, но чувствует дискомфорт, поэтому в словах возникает спор, а в чувствах согласие со словами отца. Маме он часто на что-то жаловался, но когда она задавала вопросы, говорила, как лучше, или пыталась решить вопрос, то он это отвергал и считал вторжением. После того, как мы обсудили особенности его общения с мамой, постоянную критику его действий папой и еще воспоминание, где папа обидел маму при нем, на следующей сессии он с восхищением говорил о некоторых успехах отца в социальном плане. Возможно, значительное влияние на нашу терапию оказало то, что, когда он мне демонстрировал

различную критику самого себя, происходили две вещи. Во-первых, он вербализовал свои чувства, отчего их давление становилось меньше. А во-вторых, он слышал другой голос – мой голос – который не сливался с его внутренними критическими головами, а помогал увидеть картину ситуаций по-другому, где сила критики отступала. И через месяц после этого произошла наша встреча в кабинете.

В целом, он очень часто опаздывал на сессию, платил невовремя, забывал о сессии. Правда, всегда был готов обсуждать и после этого сессии шли какое-то время гладко. Анализант старается быть удобным для других, и я обсуждаю его удобство для меня.

Встреча в кабинете была одна. Так как после нее, в связи с мобилизацией, он переехал в другую страну. И тут оказалось, что, когда он жил в России, то многие проблемы помогали решать родители, теперь их пришлось решать самому. После переезда мы стали обсуждать тему секса. Он часто испытывал стыд, касаясь темы секса, и говорил мне об этом. Мой голос поощрял эти темы, стараясь донести, что в его словах нет ничего, за что он может себя винить. У него также было сильное чувство стыда, когда я спросила: за что можно покритиковать меня. Далее ему приснился очень интересный сон, где он целовался с мамой и собирался с ней заниматься сексом. При обсуждении этого сна большое место в сессии занял разговор о влечениях к женщинам постарше и тема инцеста. Скорее всего, этот сон был про эдипальный конфликт. Благодаря его обсуждению, многое стало понятнее. А его мама неожиданно поделилась с ним чувством вины за давнишнее событие, когда после ругани с отцом она ушла из дома и ненадолго оставила его одного. Он тогда подумал, что мама его бросила.

Также в процессе терапии он стал больше проявлять чувство злости, иногда он стал рассказывать о чём-то со злостью, также в жизни он смог прямо высказать человеку свое недовольство.

Таким образом, мы видим, что на жизнь анализанта очень сильно влияют критические голоса родителей, проявляющиеся в сопротивлении Сверх-Я. При помощи голоса аналитика создавалась определенная атмосфера регресса в ранние состояния, которая помогла освободиться от посланий Сверх-Я и в результате, анализант стал более самостоятельным и менее критичным к себе.

При помощи голоса аналитика создавалась определенная атмосфера регресса в ранние состояния, которая помогла освободиться от посланий Сверх-Я и в результате, анализант стал более самостоятельным и менее критичным к себе.
